

DOI: 10.17976/jpps/2018.01.09

ПОЛИТИКО-ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ТРЕНДЫ ПОСТСОВЕТСКИХ ОБЩЕСТВ: ПОПЫТКА ОБОБЩЕНИЯ

Д.Э. Летняков

ЛЕТНЯКОВ Денис Эдуардович, кандидат политических наук, старший научный сотрудник Института философии РАН. Для связи с автором: letnyakov@mail.ru

Летняков Д.Э. Политико-идеологические тренды постсоветских обществ: попытка обобщения. – Полис. Политические исследования. 2018. № 1. С. 129-142. <https://doi.org/10.17976/jpps/2018.01.09>

Статья поступила в редакцию: 11.07.2017. Принята к печати: 10.10.2017

Аннотация. В статье доказывается, что, несмотря на фрагментированность постсоветского пространства и существенное расхождение траекторий развития составляющих его стран, в политико-идеологической сфере государств бывшего СССР можно обнаружить ряд общих трендов. Среди прочего – это роль националистической идеологии как главного символического ресурса для постсоветских элит, призванного легитимировать статус-кво, который сложился после 1991 г. Как показывает автор, важность идеологии национализма в постсоветском контексте проявляется еще и в том, что националистический дискурс, будучи обращенным, прежде всего, к прошлому, позволяет избегать разговоров о проекте будущего, который, по большому счету, так и не появился ни в одной из постсоветских стран за годы независимости. Если элитам нечего предложить своим обществам в качестве проекта развития, им остается заниматься инструментализацией прошлого. Еще одна тенденция, общая для всех постсоветских государств, – это симулятивный характер политических идеологий. С формальной точки зрения на постсоветском пространстве царит идеологический плюрализм, различные политические силы апеллируют к широкому набору доктрин, от либерализма до политического ислама. Однако при ближайшем рассмотрении почти всегда оказывается, что идеологические самоидентификации, используемые политиками, представляют собой не более чем бодрийеровские симулякры, так как партии создаются либо как политтехнологические проекты, призванные собрать голоса избирателей, либо как клиентелы вокруг влиятельных членов правящего класса. Автор полагает, что причина данного явления заключается не столько в недостаточной демократичности постсоветских политий, сколько в особенностях постсоветских трансформаций как таковых, которые сформировали своеобразный тип политической элиты, ориентированной прежде всего на извлечение ренты, а не на достижение общего блага.

Ключевые слова: постсоветское пространство; Россия; идеология; национализм; консерватизм; модернизация; демократия; политическая система.

Сегодня само понятие “постсоветское пространство” нередко подвергается критике. Действительно, далеко не всегда территория бывшего СССР предстает как более или менее целостный регион – сильно различаются внешнеполитические ориентиры составляющих его государств, сокращаются экономические связи между ними, постсоветские общества все более расходятся в культурном смысле (практически повсеместно сужается ареал распространения русского языка, Центральная Азия и Азербайджан стали

восприниматься как вполне органичная часть исламского мира) и т.д. Тем не менее это не означает, что категория “постсоветскости” вовсе утратила свои аналитические возможности, поскольку общее прошлое до сих пор во многом определяет существование республик бывшего СССР, даже если они стремятся его преодолеть. Советское наследие присутствует практически во всем, начиная от проведенных большевиками границ, которые новые независимые государства воспринимают в качестве легитимных, и заканчивая номенклатурным бэкграундом части нынешних элит.

Понятие “постсоветское” имеет не просто темпоральную (то, что чисто хронологически приходит на смену советскому), но и качественную характеристику – это некий гибрид советского (в институциональной, экономической, социокультурной и прочих сферах) и того, что возникло в результате распада “коммунистической” системы¹. Поэтому хотя исследователи до сих пор далеки от консенсуса в деле содержательного определения постсоветскости – тут предлагаются самые разные варианты, от постколониализма [Moore 2001: 111-128] до постмодернизма [Капустин 2001b: 6-28], – стоит признать, что, несмотря на фрагментированность постсоветского пространства, существует нечто не только разъединяющее, но и сближающее входящие в него государства.

Предметом данного исследования выступает идеологическая сфера постсоветских государств, в которой можно найти немало сходств и параллелей между такими разными, на первый взгляд, странами как Туркменистан и Молдова, Армения и Россия и т.д. В тексте будут затронуты все государства бывшего СССР, за исключением стран Балтии, которые обычно не относят к постсоветскому пространству, поскольку после 1991 г. они старались максимально дистанцироваться от всего происходящего восточнее своих границ, а кроме того достаточно быстро (в 2004 г.) вступили в ЕС и НАТО. В результате траектория развития Латвии, Литвы и Эстонии имеет куда больше параллелей со странами Центральной и Восточной Европы, нежели с государствами “ближнего зарубежья”.

ПОСТСОВЕТСКИЙ ВАРИАНТ “КРИЗИСА ИДЕОЛОГИЙ”

Тема “конца идеологий” возникла, как известно, в западном контексте – после Второй мировой войны ряд социологов высказали утверждение о том, что в наиболее развитых странах “первого мира”, которые успешно осуществили модернизацию и решили основные социальные проблемы с помощью *welfare state*, будет неизбежно происходить деидеологизация политики, так как там в целом достигнут консенсус относительно путей развития общества [Bell 1960; Takane 1965]. С тех пор появилось немало текстов, в которых доказывалось, что не стоит преждевременно “хоронить” идеологии [Katznelson 1990: 557-569; Мусихин 2013; Гаджиев 2016]², однако наблюдатели все же фиксируют определенные трансформации в идеологической сфере западных обществ в последние десятилетия, связанные с гибридизацией идеологических доктрин и склады-

¹ Например, корни постсоветского капитализма с его тесным сращиванием власти и собственности очевидно уходят еще в брежневское время, когда в рамках командно-административной системы возник феномен “бюрократического рынка”, управляемого “обуржуазившейся номенклатурой” [Стародубровская, Мау 2004: 123; Гайдар 2009: 259; Пастухов 2012: 81].

² Подробный обзор литературы по данной теме см. [Малинова 2013: 42-56].

ванием “либерально-консервативно-социалистического идеологического консенсуса” [Россия в поисках... 2016: 10], возникновением идеологически всеядных *catch-all-parties* и “частичных идеологий”, которые “легко экспериментируют с различными комбинациями идей” [Малинова 2013: 55], а также с тем, что место систематизированных представлений о политике все чаще занимают “ситуативные пристрастия” [Соловьев 2007: 354-364]. Иначе говоря, речь идет не о “конце идеологий” как наборе более или менее связанных принципов и убеждений по поводу политики, ибо в западных демократиях в основе политической борьбы по-прежнему лежит идеологическое соперничество, а о кризисе “больших нарративов” в политике, какими были “великие идеологии” в XIX – первой половине XX вв.

На постсоветском пространстве с формальной точки зрения также царит идеологический плюрализм: различные политические силы апеллируют к широкому набору доктрин, от либерализма до политического ислама. Однако при ближайшем рассмотрении почти всегда оказывается, что идеологические самоидентификации, используемые политиками – не более чем бодрийяровские симулякры³, так как партии создаются либо как чисто полит-технологические проекты, призванные собрать голоса избирателей, либо как клиентелы вокруг влиятельных членов правящего класса. За идеологическим противостоянием нередко скрывается банальный внутриэлитный раскол, как это было, например, в Таджикистане, где, судя по лозунгам, в гражданской войне противостояли друг другу коммунисты и исламо-демократическая оппозиция, а на деле – представители правящего (ленинабадского) и оппозиционного (кулябского) кланов и их союзники⁴. Характеристики партий как “бизнес-проектов”, “лоббистских структур” и “профсоюзов аппаратчиков”, которым свойственна крайняя идеологическая непоследовательность, можно обнаружить в описании политических систем едва ли не всех постсоветских государств [Балаян 2012: 20; Искандарян 2011: 25-26; Тархан-Моурави 2006: 258; Фесенко 2006: 217-218].

Если на Западе кризис в идеологической сфере связывают прежде всего с конвергенцией различных доктрин и уходом из политики метанарративов, то постсоветский вариант “конца идеологий” характеризуется симулятивной и чисто инструментальной природой провозглашаемых идеологий, в соответствии с которой последние не выражают интерес сколько-нибудь значительных социальных групп и не стремятся внести свой вклад в публичную дискуссию по поводу желательной модели развития общества.

Почему же на постсоветском пространстве за четверть века так и не возникла политика как соревнование различных идей и проектов? Считается, что любой социальный кризис должен активизировать дискуссии о путях дальнейшего развития общества, выборе политического и экономического курса и т.д. (возвращаясь к Западу, замечу, что там разговор о деидеологизации политики совсем не случайно возник именно в послевоенную “золотую” эпоху экономического подъема). Страны бывшего СССР после 1991 г. оказались на крутом переломе – в регионе происходили процессы государственной и нацистроительства, становления новой социальности, которые сопро-

³ Согласно одному из определений, симулякры – это “знаки, которые скрывают, что за ними ничего нет” [Бодрийяр 2016: 13].

⁴ Описание таджикского конфликта как, прежде всего, межкланового столкновения см. [Халид 2012: 335; Бобохонов 2011: 74-83].

вождались глубокими трансформациями во многих сферах жизни. Однако вместо конкуренции различных идеологических программ, обосновывающих возможные траектории движения постсоветских обществ, мы парадоксальным образом получили лишь набор симулякров, ничего не значащих и никуда не ведущих.

Наверное, наиболее очевидная причина – это неразвитость публичной сферы постсоветских обществ, деполитизация масс, имитационный характер многих демократических институтов, в том числе и партийной системы. Признавая значимость этого фактора, подчеркнем, что обычная ссылка на неготовность стран бывшего СССР к демократии *в культурном смысле* не кажется достаточным объяснением. Не зря Люсьен Пай как-то заметил, что понятие “политическая культура” грозит стать “остаточной категорией, небрежно используемой для объяснения всего того, что не может быть объяснено с помощью более точных и конкретных факторов” [цит. по Формизано 2002: 116]. Крайне важно говорить не только о культурных, но и о структурных основаниях деполитизации постсоветских обществ, в частности о том, что сам ход посткоммунистических трансформаций предельно затруднял возможность возникновения организованных социальных групп, которые могли бы выступить со своей повесткой. Многие государства бывшего СССР прошли через жесткую деиндустриализацию, превратившую рабочий класс в исчезающе малую социальную величину; интеллигенция, в перестроечное время бывшая самым горячим сторонником перемен, вскоре превратилась в *underclass* фактически без средств к существованию; средний класс слаб и немногочислен; для нарождающейся прослойки предпринимателей в условиях постсоветского капитализма куда важнее были тесные связи с силовиками и чиновниками, нежели выстраивание каких-то форм самоорганизации; в ряде стран наиболее активная часть населения и вовсе оказалась за границей в поисках работы и лучшей жизни. Ситуация, когда у значительной части населения в течение многих лет доминировала стратегия выживания, не могла не привести к социальной атомизации и “распаду [публичной сферы] на множество частных интересов” [Мухелишвили 2001: 41].

Но свести всю проблему безыдеологичности постсоветской политики к недостаточной гражданской активности или неразвитости демократических институтов было бы неправильно. Обозначенная проблема в равной степени актуальна не только для жестких персоналистских режимов вроде узбекского или таджикского, но и для более свободных в политическом смысле Молдовы, Украины или Грузии. Это заставляет предположить, что истоки рассматриваемого “кризиса идеологий” лежат еще и в особенностях постсоветских трансформаций как таковых, сформировавших своеобразный тип политической элиты.

В свое время Дж. Хеллман показал, что в посткоммунистических странах наибольшее сопротивление последовательным экономическим реформам исходило не от тех групп, которые “шоковая терапия” задевала в первую очередь (рабочие реструктурируемых предприятий, социально незащищенные слои и т.д.), а от “победителей” – людей, которые стали бенефициарами *начального этапа* слома командно-административной системы. Именно последним была выгодна ситуация в экономике, которую можно назвать “состоянием частичного реформирования”, когда в обществе сосуществуют рыночные и неры-

ночные институты (например, проведена либерализация цен при сохранении монополий, осуществлена приватизация государственной собственности в отсутствие прозрачных механизмов ее распределения). Данная ситуация позволяла “победителям” максимизировать свои прибыли, возлагая высокие издержки на остальное население, поэтому они не хотели полного сворачивания реформ, но не желали и их дальнейшего развития [Hellman 1998].

Можно сказать, что все эти годы главный резон постсоветских правящих элит заключался в сохранении существующего статус-кво. Их абсолютно устраивала именно эта *промежуточная* позиция, когда, с одной стороны, рухнула советская система, позволив вчерашней номенклатуре конвертировать власть в собственность, а заодно и максимально освободиться от той ответственности перед обществом, которую предполагало советское социальное государство и сама ситуация существования страны за “железным занавесом”; с другой стороны, уйдя от советского прошлого, новые государства застряли где-то на пути к нормальному рынку, демократии и правовому государству — целям, которые декларировались при разрушении “коммунизма”. На самом деле, достигать заявленных целей никто всерьез и не стремился, потому что это грозило правящим элитам потерей власти (на действительно конкурентных выборах) и капиталов (в случае разрушения сложившегося капитализма “для своих”). По выражению А. Рябова, для постсоветских элит, решивших задачу перераспределения собственности, наступил “конец истории” [Рябов 2016: 10], о котором когда-то писал Ф. Фукуяма (правда, в ином контексте). Отсюда тот самый дефицит новых идей и проектов развития, который наблюдается применительно к странам бывшего СССР⁵.

Эта ситуация “пробуксовки на месте” осознается с каждым годом все отчетливее — не случайно общим местом стал тезис о крахе парадигмы транзита как методологической рамки анализа посткоммунистических трансформаций [Mandel 2012; Карозерс 2003; Капустин 2001a; Ачкасов 2015]. В основе транзитологического подхода лежала оптимистическая телеология, согласно которой все авторитарные режимы обязаны рано или поздно демократизироваться и проходить на этом пути общие этапы либерализации, демократизации, консолидации и т.д. В реальности оказалось, что в странах бывшего социалистического лагеря успешный демократический транзит возможен только в условиях достаточно сильного давления извне — для стран Центральной и Восточной Европы, а также государств Балтии роль такого “внешнего стабилизатора демократических режимов” сыграли ЕС и НАТО [Миллер 2010: 94]. Евроатлантическая интеграция, которая рассматривалась как стратегическая цель, была просто невозможна без следования соответствующим стандартам в политике и экономике. Постсоветские государства, не имевшие четких перспектив вступления в Европейский союз, в массе своей продемонстрировали скорее движение не от авторитаризма к демократии, а от

⁵ Справедливости ради нельзя сказать, что годы независимости стали временем абсолютного провала — в актив себе постсоветские элиты могут занести хотя бы тот факт, что ни одна республика бывшего СССР не превратилась в классический образец *failed state* наподобие Сомали (хотя такие опасения существовали накануне распада Союза); кроме того, были построены национальные экономики, адаптированные к реалиям периферийного капитализма; встречались примеры и весьма успешных управленческих реформ (Грузия в 2004–2011 гг.). Однако до сих пор остаются нерешенными такие ключевые проблемы, как неэффективность постсоветских государств и отсутствие внятной стратегии их развития, непрозрачность власти, ухудшение человеческого капитала, примитивизация экономик, катастрофический рост социального неравенства и пр.

позднесоветского авторитаризма к авторитаризму постсоветскому. Очевидно, что если страны бывшего СССР вообще куда-то и переходят, то скорее из “второго” мира в “третий” – провал в глобальный Юг по таким показателям, как ВВП на душу населения, уровень бедности и социального неравенства, характерен для большинства стран Закавказья и Центральной Азии⁶. Сходство с постколониальным миром Азии и Африки довершают массовые миграции в бывшую “метрополию”⁷.

Таким образом, с одной стороны, слабость и аморфность общества, которое часто оказывается не в состоянии эффективно воздействовать на политический класс и внятно артикулировать свои требования, с другой стороны, качество правящих элит, нацеленных прежде всего на извлечение ренты, приводят к тому, что все постсоветские страны развиваются в логике государства-корпорации – того, что В. Цымбурский применительно к отечественным реалиям когда-то назвал *The Great Russia Utilization Inc.* (кампания “по утилизации того, что осталось от великой России” [Цымбурский 2002]). И здесь обнаруживается фундаментальное сходство между авторитарными Беларусью или Узбекистаном и гораздо более демократичными Молдовой или Киргизией. Просто где-то контрольный пакет в государстве-корпорации имеет одна группа элит, а где-то акции разделены на несколько пакетов, держателями которых является ряд элитных группировок. Во втором случае между “акционерами” может существовать и реальная конкуренция за власть с помощью электоральных механизмов, однако политический класс катастрофически коррумпирован и отчужден от остального общества. Такое положение дел Т. Карозерс определил как “бесплодный плюрализм” [Карозерс 2003: 50-51]; его можно наблюдать, например, в Молдове или Украине. В ситуации, когда выборы представляют собой не более чем противоборство различных финансово-промышленных групп и элитных кланов либо являются спектаклем, призванным легитимировать очередную де-факто безальтернативную передачу власти, идеологии, используемые в этой политической игре, не могут иметь какого-то реального содержания.

Тем не менее, несмотря на господство идеологических симулякров, постсоветские элиты не могут не заниматься тем, что в последние годы получило название “символическая политика”⁸, поскольку без нее невозможно обеспечить прочную легитимацию власти и выстроить хотя бы минимальный общественный консенсус. Далее мы поговорим о ключевой роли националистического дискурса в идейно-символическом пространстве постсоветских государств, а также о том, почему этот дискурс оказывается особенно востребован элитами при отсутствии образа будущего.

⁶ Феномену “*third-worldization*”, т.е. процессу перехода в “третий мир” ряда стран постсоветского пространства посвящен, в частности, сборник: [Hohmann et al. 2014].

⁷ Показательно, что Таджикистан и Киргизия лидируют в мире по такому показателю, как доля денежных переводов мигрантов в отношении к собственному ВВП – она составляет у этих стран более 40% и более 30% соответственно. См. [Денисенко, Козлов, Фаттахова 2015: 15].

⁸ О.Ю. Малинова предлагает понимать под символической политикой деятельность, связанную “с производством определенных способов интерпретации социальной реальности и борьбой за их доминирование” [Малинова 2013: 13]. Ее инструментами могут быть школьные программы, государственные праздники и музеи, топонимика городов и т.д., словом, все, что способствует конструированию коллективной идентичности определенного политического сообщества.

НАЦИОНАЛИЗМ КАК СИМВОЛИЧЕСКИЙ РЕСУРС ПОСТСОВЕТСКИХ ЭЛИТ

Национализм стал знаменем антисоветского протеста в период перестройки. По мере кризиса и разбалансировки всей системы именно идея национального самоопределения (вплоть до выхода из состава Союза) становится в республиках главной мобилизирующей силой, которую местные элиты нередко стремятся использовать в том числе и в своих интересах – для получения большей автономии от центра. Там, где национальные движения были откровенно слабы (Беларусь, Средняя Азия), не наблюдалось и серьезных оппозиционных настроений.

Эти процессы имеют свое объяснение. Дело в том, что этнонационализм был базовым принципом организации советского государства, состоявшего из множества национальных территорий с соответствующим “титულным” населением. Национальная политика в СССР (особенно в первые годы после революции) была нацелена на активизацию и поддержку этнического самосознания путем проведения национального размежевания территории страны, создания национальной интеллигенции и руководящих кадров (политика “коренизации”), выпуска книг и газет, организации обучения на языках народов СССР т.д.⁹ И если на каком-то этапе этническая и общесоветская лояльности могли вполне органично сосуществовать¹⁰, то кризис экономической и политической системы в период перестройки, постепенный распад советской “вертикали власти” и всеобщее разочарование в коммунистической идеологии существенно ослабили советскую идентичность, одновременно усилив иные ориентации людей [Beissinger 2002; Suny 1993; Roeder 1991]. Не удивительно поэтому, что когда на рубеже 1980-1990-х годов в СССР возникла революционная ситуация в терминологии Ч. Тилли (одно из ее проявлений – это ситуация “мультисуверенитета”, т.е. наличия соперничающих между собой властных центров [Карасев 2012: 176-189; Дерлугьян 2010: 233-234]), базовой идеологией оппозиционной мобилизации стал именно этнонационализм¹¹.

Апелляция республиканских элит и местной интеллигенции к национализму оказалась чрезвычайно удобной в ситуации, когда разрушение “коммунизма” не сопровождалось выдвиганием каких-либо новых идеологем и социальных альтернатив¹². В советском обществе на исходе перестройки сложился скорее негативный консенсус, связанный с неприятием пороков существующей системы, но были серьезные проблемы с консенсусом позитивным – с пониманием того, в какую сторону следует двигаться. И в этих условиях идеей, которая могла бы сплотить и мобилизовать людей, стал национализм в разных его изводах. Это были лозунги борьбы за “исконную” национальную территорию (как в армяно-азербайджанском конфликте вокруг Нагорного

⁹ См. [Martin 2001; Slezkine 1994; Brubaker 1994].

¹⁰ В основе советской идентичности лежали конкретные символы, значимые для многих людей (среди них – успехи СССР в космосе, достижения советского спорта и, конечно, победа в Великой Отечественной войне), а также общие социокультурные практики, начиная от празднования Нового года или 8 Марта и заканчивая просмотром культовых советских фильмов, цитаты из которых знала наизусть вся страна.

¹¹ Апеллировать к национальному вопросу было тем проще, что советская история давала множество поводов к этому: депортации 1930-1940-х годов, пакт Молотова-Риббентропа и пр.

¹² На эту интеллектуальную “ущербность” антикоммунистических революций в странах Восточного блока, не провозгласивших новых политических принципов и проектов общественного переустройства, обращали внимание многие авторы. См. напр. [Пантин 2004: 139].

Карабаха), сетования на то, что мы “кормим всех остальных”¹³, призывы к отделению от “советской империи” и “возвращению в Европу” (особенно популярные в Прибалтике) или к воссоединению народа, искусственно разделенного коммунистами (главный лозунг Народного фронта Молдавии тех лет — “Долой границу, разделяющую румынский народ!” [Фурман 2007: 286]).

После обретения республиками бывшего СССР независимости и запуска процессов государственностроительства национализм естественным образом выступал в качестве главного символического ресурса теперь уже постсоветских элит. В новых реалиях он помогал легитимировать статус-кво, сложившийся после 1991 г. Создание национального государства (которое при этом обычно понималось не в гражданских, а в этнических категориях как государство “титულიной” этнической группы¹⁴) рассматривалось как реализация многовековых чаяний народа, как подлинно историческое событие (несмотря на то, что в ряде республик получение независимости стало полной неожиданностью как для местных элит, так и для населения). Именно поэтому многие политики, лучше говорившие на русском языке, чем на “титульном”, нередко становились инициаторами репрессивных мер в отношении первого как языка имперского доминирования, а вчерашние номенклатурные лидеры на очередную годовщину независимости поздравляли свой народ с освобождением “от оков бывшего тоталитарного строя”¹⁵, с готовностью усваивали постколониальный дискурс и поощряли ревизию исторического нарратива [Вчерашнее завтра... 2011; Национальные истории... 1999; Шнирельман 2003].

Учитывая, что главным бенефициаром от распада советской системы оказалась бывшая номенклатура и связанные с ней слои, национализм стал идеологией в классическом марксистском смысле этого слова [Маркс, Энгельс 1988: 44-45] — доктриной, стремящейся выдать интерес господствующего класса за интерес всего общества, которое несло на себе издержки посткоммунистических трансформаций. Постсоветские элиты, решившие в свою пользу задачу перераспределения собственности и власти, постулировали ценность обретенного национального государства, которое освободило “окраины” от “имперского гнета” Москвы, затушевывая проблему слабости большинства этих государств, невыполнения ими своих основных функций, коррумпированности и т.д. Национализм позволял подменить проблематику социального неравенства и несправедливости темой сплоченности и национального единства, маскируя реальные социальные противоречия внутри новых независимых государств и помогая поддерживать сложившиеся практики господства и угнетения¹⁶. Например, в Армении карабахский вопрос до сих пор является главной

¹³ Эти настроения затронули не только национальные республики, но и РСФСР — достаточно вспомнить манифест А.И. Солженицына, в котором он призывал русских осознать, что “нет у нас сил на Империю! — и не надо, и свались она с наших плеч” [Солженицын 1995: 542].

¹⁴ Нельзя сказать, что в постсоветских государствах этноцентрический дискурс является безальтернативным — периодически мы видим попытки апелляции к общегражданским ценностям и символам, но все же стоит признать, что “государства бывшего СССР продвигаются трудно от концепта этнонации к концепту гражданской нации” [Тишков 2016: 18].

¹⁵ Выступление Президента Ислама Каримова на торжествах, посвященных 24-летию независимости Республики Узбекистан. — *Посольство Республики Узбекистан в ФРГ*. 02.09.2015. Доступ: <http://www.uzbekistan.de/ru/nachrichten/nachrichten/выступление-президента-ислама-каримова-на-торжествах-посвященных-24-летию> (проверено 07.07.2017).

¹⁶ О роли национальных идентичностей в легитимации существующего статус-кво см. [Балибар, Валлерстайн 2004].

темой, позволяющей правящей элите консолидировать вокруг себя общество [Балаян 2012: 16], проблемы же социально-экономического развития страны отходят на второй план. Аналогичным образом в Украине задача проведения структурных реформ во всех сферах, о которых много говорилось после свержения В. Януковича, подменяется активностью элит на поле символической политики и упражнениями в исторических спекуляциях.

Кроме того, националистический и постколониальный дискурсы, будучи обращенными прежде всего к прошлому, позволяют избегать разговоров о проекте будущего, который так и не возник ни у одной из постсоветских стран. Если элитам нечего предложить обществу в качестве проекта развития, им остается заниматься инструментализацией прошлого. Неслучайно все попытки выдвигания “национальной идеи”, которые были осуществлены за последние четверть века на постсоветском пространстве, имели чисто консервативный характер и свелись к поиску “духовных скреп”, глорификации своей истории, рассуждениям об особой “духовности” того или иного народа, заигрыванием властей с религией и т.д.¹⁷

Ситуация в России имеет несколько иные черты, поскольку отечественные элиты в ходе и после распада СССР не могли использовать национализм так, как это происходило в “ближнем зарубежье”¹⁸. Россия как наследница бывшей “метрополии” не имела возможности апеллировать к факту обретения своей национальной государственности на развалинах “советской империи” — не случайно День независимости, переименованный позднее в День России, остается самым непонятым праздником для большинства населения.

Однако с элитами других государств бывшего СССР российский правящий класс, безусловно, роднит отсутствие образа будущего и, соответственно, стремление использовать сугубо консервативные стратегии в целях национальной консолидации. И вряд ли правильно здесь противопоставлять ельцинский и путинский периоды, как это часто делают — уже в 1990-е просматривались многие из тех тенденций, которые обнаруживаются сегодня. Вспомним поиск национальной идеи, инициатором которого выступил Б. Ельцин в 1996 г., торжественное перезахоронение останков царской семьи в Петербурге, проведение спустя несколько лет парада Победы в 1995 г., острую конфронтацию с Западом по поводу Югославии в 1999 г. Просто наступивший с начала 2000-х годов период экономического подъема позволил российской элите чаще демонстрировать миру отдельные атрибуты великодержавности, а также активнее легитимировать себя внутри страны через дискурс о стабильности, национальном возрождении, государственной мощи и т.д. Но все эти разговоры и жесты по-прежнему сочетаются с отсутствием внятной стратегии развития страны, служат идеологическим оправданием процесса усиления контроля государства над обществом. Консервативная риторика сегодня явно в моде, однако за ней катастрофически мало содержания — например, все чаще можно слышать рассуждения о России как

¹⁷ О поисках консолидирующей идеологии и национальной идеи в Киргизии см. [Murzakulova, Schoeberlein 2009]; в отношении Узбекистана см. анализ выступлений и публикаций И. Каримова с многочисленными рассуждениями о “тысячелетней истории и культуре” узбеков, “национальном пробуждении”, “узбекской духовности” и пр. [Рязанова 2010: 75-87].

¹⁸ Вернее, они не могли этого делать на общегосударственном уровне, а во многих российских субъектах федерации, особенно в 1990-е годы, национализм стал важным политическим ресурсом, который активно использовали местные элиты.

о некоей альтернативе Западу, однако остается непонятным, в чем именно она заключается. Существование в виде коррумпированного режима с сырьевой экономикой действительно мало соответствует магистральному пути, по которому идут западные общества, но примеров таких “альтернатив” в мире предостаточно и без России.

Ачкасов В.А. 2015. Транзитология – научная теория или идеологический конструкт? – *Полис. Политические исследования*. № 1. С. 30-37. <https://doi.org/10.17976/jpps/2015.01.03>

Балаян А. 2012. *Политические трансформации в постсоветской Армении: проблемы адаптации и перспективы интеграции в современный мир*. Препринт М-29/12. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге. 24 с.

Балибар Э., Валлерстайн И. 2004. *Раса, нация, класс. Двусмысленные идентичности*. М.: Логос. 285 с.

Бобохонов Р.С. 2011. Гражданская война в Таджикистане (1992-1997 годы). Причины, ход, последствия и уроки. – *Общественные науки и современность*. № 4. С. 74-83.

Бодрийяр Ж. 2016. *Симулякры и симуляции*. М.: ПОСТУМ. 2016. 238 с.

Вчерашнее завтра: как “национальные истории” писались в СССР и как пишутся теперь. Под ред. Г. Бордюгова, В. Бухараева. 2011. М.: АИРО-XXI. 247 с.

Гаджиев К.С. 2016. Конец или возрождение идеологии? – *Свободная мысль*. № 1 (1655). С. 93-104.

Гайдар Е.Т. 2009. Государство и эволюция. – *Власть и собственность*. СПб.: Норма. С. 183-329.

Денисенко М., Козлов В., Фаттахова А. 2015. Современные тенденции денежных переводов мигрантов в России и в мире. – *Демографическое обозрение*. Т. 2. № 3. С. 5-29.

Дерлугьян Г. 2010. *Адепт Бурдые на Кавказе: эскизы к биографии в миросистемной перспективе*. М.: Территория будущего. 558 с.

Искандарян А. 2011. Армения между автократией и полиархией. – *Pro et Contra*. № 3-4. С. 19-28.

Капустин Б.Г. 2001а. Конец “транзитологии”? О теоретическом осмыслении первого посткоммунистического десятилетия. – *Полис. Политические исследования*. № 4. С. 6-26. URL: <http://www.politstudies.ru/article/2922>

Капустин Б.Г. 2001б. Посткоммунизм как постсовременность (Российский вариант). – *Полис. Политические исследования*. № 5. С. 6-28. URL: <http://www.politstudies.ru/article/2948>

Карасев Д.Ю. 2012. Теория революции Чарльза Тилли. – *Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология*. № 4. С. 176-189.

Карозерс Т. 2003. Конец парадигмы транзита. – *Политическая наука*. № 2. С. 42-65.

Малинова О.Ю. 2013. *Конструирование смыслов: исследование символической политики в современной России*. М.: ИНИОН РАН. 421 с.

Маркс К., Энгельс Ф. 1988. *Немецкая идеология*. М.: Изд-во политической литературы. 574 с.

Миллер А.И. 2010. От демократии XIX века к демократии XXI-го: каков следующий шаг? – *Демократия и модернизация. К дискуссии о вызовах XXI века*. Под ред. В.Л. Иноземцева. М.: Центр исследований постиндустриального общества; Европа. С. 91-102.

Мусихин Г.И. 2013. *Очерки по теории идеологий*. М.: Изд. дом Высшей школы экономики. 284 с.

Мухелишвили М. 2001. Партикуляристская демократия: взгляд из постсоветской Грузии. — *Полис. Политические исследования*. № 5. С. 29-53. URL: <http://www.politstudies.ru/article/2949>

Национальные истории в советском и постсоветских государствах. Под ред. К. Аймермахера, Г. Бордюгова. 1999. М.: "АИРО-XX". 445 с.

Пантин И.К. 2004. *Судьбы демократии в России*. М.: ИФ РАН. 194 с.

Пастухов В.Б. 2012. *Реставрация вместо реформации. Двадцать лет, которые потрясли Россию*. М.: ОГИ. 526 с.

Россия в поисках идеологий: трансформация ценностных регуляторов современных обществ. Под ред. В.С. Мартынова. 2016. М.: Политическая энциклопедия. 331 с.

Рябов А.В. 2016. Остановилось время. — *Профиль*. № 45 (978). С. 8-11.

Рязанова С. 2010. Политическая мифология в современном Узбекистане. — *Россия и мусульманский мир*. № 8. С. 75-87.

Солженицын А.И. 1995. Как нам обустроить Россию? — *Публицистика: в 3 т.* Т. 1. Ярославль: Верхне-Волжское книжное издательство. 720 с.

Соловьев А.И. 2007. Политическая идеология. — *Политология: лексикон*. Под ред. А.И. Соловьева. М.: РОССПЭН. С. 354-364.

Стародубровская И.В., Мау В.А. 2004. *Великие революции: от Кромвеля до Путина*. М.: Вагриус. 510 с.

Тархан-Моурави Г. 2006. Политические партии в Грузии: затянувшееся становление. — *Политическая наука*. № 1. С. 243-267.

Тишков В.А. 2016. Усложняющее разнообразие: как его понимать и упорядочить. — *Культурная сложность современных наций*. Отв. ред. В.А. Тишков, Е.И. Филиппова. М.: Политическая энциклопедия. С. 7-18.

Фесенко В. 2006. Сила и слабость партийной системы Украины. — *Политическая наука*. № 1. С. 214-242.

Формизано Р.П. 2002. Понятие политической культуры. — *Pro et Contra*. Т. 7. С. 111-146.

Франсуа Э. 2004. "Места памяти" по-немецки: как писать их историю? — *Ab imperio*. № 1. С. 29-43.

Фурман Д.Е. 2007. Молдавские молдаване и молдавские румыны. — *Доклады Института Европы РАН*. № 206. М. С. 278-315.

Халид А. 2012. Постсоветские судьбы среднеазиатского ислама. — *Конфессия, империя, нация: религия и проблема разнообразия в истории постсоветского пространства*. М.: Новое издательство. С. 316-344.

Цымбурский В. 2002. ЗАО "Россия". — *Русский журнал*. 08.09. Доступ: <http://old.russ.ru/politics/20020508-tzim-pr.html> (проверено 07.07.2017).

Шнирельман В.А. 2003. *Войны памяти: мифы, идентичность и политика в Закавказье*. М.: Академкнига. 245 с.

Beissinger M. 2002. *Nationalist Mobilization and the Collapse of the Soviet State*. Cambridge: Cambridge University Press. 503 p.

Bell D. 1960. *The End of Ideology. On the Exhaustion of Political Ideas in the Fifties*. Glencoe. 416 p.

Brubaker R. 1994. Nationhood and the National Question in the Soviet Union and Post-Soviet Eurasia: An Institutional Account. — *Theory and Society*. Vol. 23. No. 1. P. 47-78. <https://doi.org/10.1007/BF00993673>

Development in Central Asia and the Caucasus: Migration, Democratisation and Inequality in the Post-Soviet Era. 2014. Ed. by S. Hohmann, C. Mouradian, S. Serrano, J. Thorez. London; N.Y. 399 p.

Hellman J.S. 1998. Winners Take All: The Politics of Partial Reform in Postcommunist Transitions. – *World Politics*. Vol. 50. No. 2. P. 203-234. <https://doi.org/10.1017/S0043887100008091>

Katznelson I. 1990. Does the End of Totalitarianism Signify the End of Ideology? – *Social Research*. Vol. 57. No. 3. P. 557-569.

Mandel R. 2012. Introduction: Transition to Where? Developing Post-Soviet Space. – *Slavic Review*. Vol. 71. No. 2. P. 223-233. <https://doi.org/10.1017/S0037677900013590>

Martin T. 2001. *The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923-1939.* Ithaca, London: Cornell University Press. 496 p.

Moore D.Ch. 2001. Is the Post- in Postcolonial the Post- in Post-Soviet? Toward a Global Postcolonial Critique. – *Publications of the Modern Language Association of America*. Vol. 116. No. 1. P. 111-128.

Murzakulova A., Schoeberlein J. 2009. The Invention of Legitimacy: Struggles in Kyrgyzstan to Craft an Effective Nation-State Ideology. – *Europe-Asia Studies*. Vol. 61. No. 7. P. 1229-1248. <https://doi.org/10.1080/09668130903068756>

Roeder Ph.G. 1991. Soviet Federalism and Ethnic Mobilization. – *World Politics*. Vol. 43. No. 2. P. 196-232. <https://doi.org/10.2307/2010471>

Slezkine Y. 1994. The USSR as a Communal Apartment, or How a Socialist State Promoted Ethnic Particularism. – *Slavic Review*. Vol. 53. No 2. P. 414-452. <https://doi.org/10.2307/2501300>

Suny R.G. 1993. *The Revenge of the Past: Nationalism, Revolution, and the Collapse of the Soviet Union.* Stanford: Stanford University Press. 200 p.

Takane M. 1965. Economic Growth and the “End of Ideology” in Japan. – *Asian Survey*. Vol. 5. No. 6. P. 295-304. DOI: <https://doi.org/10.2307/2642127>

DOI: [10.17976/jpps/2018.01.09](https://doi.org/10.17976/jpps/2018.01.09)

POLITICO-IDEOLOGICAL TRENDS OF POST-SOVIET SOCIETIES: AN ATTEMPT OF GENERALIZATION

D.E. Letnyakov¹

¹*Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. Moscow, Russia*

LETNYAKOV Denis Eduardovich, Cand. Sci. (Pol. Sci.), Senior Researcher, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. Email: letnyakov@mail.ru

Letnyakov D.E. Politico-Ideological Trends of Post-Soviet Societies: An Attempt of Generalization. – *Polis. Political Studies*. 2018. No. 1. P. 129-142. (In Russ.) <https://doi.org/10.17976/jpps/2018.01.09>

Received: 11.07.2017. Accepted: 10.10.2017

Abstract. The paper is devoted to the analysis of ideological sphere of the former Soviet Union. The author argues that despite significant divergence of development trajectories of the post-Soviet countries, a number of general trends can be detected in their ideological sphere. In particular, we can highlight the role of nationalist ideology as the main symbolic resource for the post-Soviet elites that helps them to legitimize the status quo emerged after 1991. The importance of nationalism in the post-Soviet context is also manifested in the fact that nationalist discourse, being addressed primarily to the past, avoids talking about a project of the future, which, by and large, hasn't appeared in any of the post-Soviet countries. Another common trend for the post-Soviet countries is the simulative character of political ideologies that are nothing more than Baudrillard's simulacra. The author believes that the reason for this phenomenon is not so much the lack of democracy in the post-Soviet states, but rather the peculiarities

of post-Soviet transformations as such, which have formed a kind of political elites aimed primarily at rent-seeking then at the public weal.

Keywords: former Soviet Union; Russia; ideology; nationalism; conservatism; modernization; democracy; political system.

References

- Achkasov V.A. Transitory — Scientific Theory or Ideological Construct? — *Polis. Political Studies*. 2015. No. 1. P. 30-37 (In Russ.) <https://doi.org/10.17976/jpps/2015.01.03>
- Balayan A. *Politicheskie transformatsii v postsovetsoi Armenii: problemy adaptatsii i perspektivy integratsii v sovremennyi mir* [Political Transformations in Post-Soviet Armenia: Problems of Adaptation and Prospects for Integration Into the Modern World]. Preprint M-29/12. St. Petersburg: European University at St. Petersburg Publ. 2012. 24 p. (In Russ.)
- Balibar E., Wallerstein I. Race, Nation, Class. Ambiguous Identities (Russ. ed.: Balibar E., Wallerstein I. *Rasa, natsiya, klass. Dvumyslennye identichnosti*. Moscow: Logos Publ. 2004. 285 p.)
- Baudrillard J. Simulacra and Simulation. (Russ. ed.: Baudrillard J. *Simulyakry i simulyatsii*. Moscow: Postum Publ. 2016. 238 p.)
- Beissinger M. *Nationalist Mobilization and the Collapse of the Soviet State*. Cambridge: Cambridge University Press. 2002. 503 p.
- Bell D. *The End of Ideology. On the Exhaustion of Political Ideas in the Fifties*. Glencoe. 1960. 416 p.
- Bobokhonov R.S. Civil war in Tajikistan (1992-1997). Causes, Course, Consequences and Lessons. — *Social Sciences and Contemporary World Journal*. 2011. No. 4. P. 74-83. (In Russ.)
- Brubaker R. Nationhood and the National Question in the Soviet Union and Post-Soviet Eurasia: An Institutionalist Account. — *Theory and Society*. 1994. Vol. 23. No. 1. P. 47-78. <https://doi.org/10.1007/BF00993673>
- Denisenko M., Kozlov V., Fattakhova A. Recent Trends in Remittances: Russia and the World. — *Demographic Review*. 2015. Vol. 2. No. 3. P. 5-29. (In Russ.)
- Derlugian G. Bourdieu's Secret Admirer in the Caucasus. A World-System Biography. (Russ. ed.: Derlugian G. *Adept Burd'e na Kavkaze: eskizy k biografii v mirosistemnoi perspektive*. Moscow: Territoriya budushchego Publ. 2010. 558 p.)
- Development in Central Asia and the Caucasus: Migration, Democratisation and Inequality in the Post-Soviet Era*. Ed. by S. Hohmann, C. Mouradian, S. Serrano, J. Thorez. 2014. London; N.Y. 399 p.
- Fesenko V. Strength and Weakness of the Party System of Ukraine. — *Political Science (RU)*. 2006. No. 1. P. 214-242. (In Russ.)
- Formizano R.P. The Concept of Political Culture. — *Pro et Contra*. 2002. Vol. 7. P. 111-146. (In Russ.)
- Fransua E. "Places of Memory" in German: How to Write Their History. — *Ab imperio*. 2004. No. 1. P. 29-43. (In Russ.)
- Furman D.E. Moldavskie moldavane i moldavskie rumyny [Moldovan Moldovans and Moldovan Romanians]. — *Doklady Instituta Evropy RAN* [Reports of the Institute of Europe of RAS]. 2007. No. 206. Moscow. P. 278-315. (In Russ.)
- Gadzhiev K.S. The End or Revival of Ideology? — *Svobodnaya mysl'*. 2016. No. 1 (1655). P. 93-104. (In Russ.)
- Gaidar E.T. Gosudarstvo i evolyutsiya [State and Evolution]. — *Vlast' i sobstvennost'* [Power and Property]. St. Petersburg.: Norma Publ. 2009. P. 183-329. (In Russ.)
- Hellman J.S. Winners Take All: The Politics of Partial Reform in Postcommunist Transitions. — *World Politics*. 1998. Vol. 50. No. 2. P. 203-234. <https://doi.org/10.1017/S0043887100008091>
- Iskandaryan A. Armenia Between Autocracy and Polyarchy. — *Pro et Contra*. 2011. May-August. P. 19-28. (In Russ.)
- Kapustin B.G. Postcommunism as Postmodernity (Russian Variant). — *Polis. Political Studies*. 2001. No. 5. P. 6-28. (In Russ.) <http://www.politstudies.ru/en/article/2948>
- Kapustin B.G. The End of "Transitory"? (Reflecting on the First Post-Communist Decade as Subject of Theoretical Interpretation). — *Polis. Political Studies*. 2001. No. 4. P. 6-26 (In Russ.) URL: <http://www.politstudies.ru/en/article/2922>
- Karasev D.Yu. Charles Tilly's Theory of Revolution. — *Moscow State University Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science*. 2012. No. 4. P. 176-189. (In Russ.)
- Karozers T. End of the Transit Paradigm. — *Political Science (RU)*. 2003. No. 2. P. 42-65. (In Russ.)
- Katznelson I. Does the End of Totalitarianism Signify the End of Ideology? — *Social Research*. 1990. Vol. 57. No. 3. P. 557-569.
- Khalid A. Postsovetskie sud'by sredneaziatskogo islama [Post-Soviet Destinies of Central Asian Islam]. — *Konfessiya, imperiya, natsiya: religiya i problema raznoobraziya v istorii postsovetskogo prostranstva* [Confession, Empire, Nation: Religion and the Problem of Diversity in the History of the Post-Soviet Space]. Moscow: Novoe izdatel'stvo Publ. 2012. P. 316-344. (In Russ.)

- Malinova O.Yu. *Konstruirovaniye smyslov: issledovaniye simvolicheskoi politiki v sovremennoi Rossii* [The Construction of Meanings: The Study of Symbolic Politics in Present-Day Russia]. Moscow: INION RAN Publ. 2013. 421 p. (In Russ.)
- Mandel R. Introduction: Transition to Where? Developing Post-Soviet Space. — *Slavic Review*. 2012. Vol. 71. No. 2. P. 223–233. <https://doi.org/10.1017/S0037677900013590>
- Martin T. *The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939*. Ithaca, London: Cornell University Press. 2001. 496 p.
- Marx K., Engels F. *Die Deutsche Ideologie*. (Russ. ed.: Marx K., Engels F. *Nemetskaya ideologiya*. Moscow: Izdatel'stvo politicheskoi literatury. 574 p.)
- Miller A. Ot demokratiy XIX veka — k demokratiy XXI-go: kakov sleduyushchii shag? [From the Democracy of XIX to Democracy of XXI century: What is the Next Step?]. — *Demokratiya i modernizatsiya: k diskussii o vyzovakh XXI veka* [Democracy and Modernization: a Discussion on the Challenges of the XXI Century. Ed. by V.L. Inozemtsev]. Moscow: Europe Publ. House. 2010. P. 91–102. (In Russ.)
- Moore D.Ch. Is the Post- in Postcolonial the Post- in Post-Soviet? Toward a Global Postcolonial Critique. — *Publications of the Modern Language Association of America*. 2001. Vol. 116. No. 1. P. 111–128.
- Murzakulova A., Schoeberlein J. The Invention of Legitimacy: Struggles in Kyrgyzstan to Craft an Effective Nation-State Ideology. — *Europe-Asia Studies*. 2009. Vol. 61. No. 7. P. 1229–1248. <https://doi.org/10.1080/09668130903068756>
- Musikhin G.I. *Ocherki po teorii ideologii* [Essays on the Theory of Ideologies]. Moscow: Higher School of Economics Publ. 2013. 284 p. (In Russ.)
- Muskhelishvili M. Particularistic Democracy: a View from Post-Soviet Georgia. — *Polis. Political Studies*. 2001. No. 2. P. 29–53. (In Russ.) URL: <http://www.politstudies.ru/en/article/2949>
- Natsional'nye istorii v sovetskom i postsovetskikh gosudarstvakh*. Pod red. K. Aimermakhera, G. Bordyugova [National Histories in the Soviet and Post-Soviet States. Ed. by K. Aimermakher, G. Bordyugov]. Moscow: AIRO-XX Publ. 1999. 445 p. (In Russ.)
- Pantin I.K. *Sud'by demokratiy v Rossii* [The Fate of Democracy in Russia]. Moscow: Institute of Philosophy, RAS. 2004. 194 p. (In Russ.)
- Pastukhov V.B. *Restavratsiya vmesto reformatsii. Dvadsat' let, kotorye potryasli Rossiyu* [Restoration Instead of Reformation. Twenty Years That Shook Russia]. Moscow: OGI Publ. 2012. 526 p. (In Russ.)
- Roeder Ph.G. Soviet Federalism and Ethnic Mobilization. — *World Politics*. 1991. Vol. 43. No. 2. P. 196–232. <https://doi.org/10.2307/2010471>
- Rossiya v poiskakh ideologii: transformatsiya tsennostnykh regulyatorov sovremennykh obshchestv*. Pod red. V.S. Mart'yanova [Russia in Search of Ideologies: Transformation of Value Regulators of Modern Societies. Ed. by V. Mart'yanov]. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya Publ. 2016. 331 p. (In Russ.)
- Ryabov A. The Time Stopped. — *Profil'*. 2016. No. 45 (978). P. 8–11. (In Russ.)
- Ryazanova S. Political Mythology in Present-Day Uzbekistan. — *Rossiya i musul'manskii mir*. 2010. No. 8. P. 75–87. (In Russ.)
- Shnirel'man V.A. *Voiny pamyati: mify, identichnost' i politika v Zakavkaz'e* [Memory Wars: Myths, Identity and Politics in Transcaucasia]. Moscow: Akademkniga. 2003. 245 p. (In Russ.)
- Slezkine Y. The USSR as a Communal Apartment, or How a Socialist State Promoted Ethnic Particularism. — *Slavic Review*. 1994. Vol. 53. No. 2. P. 414–452. <https://doi.org/10.2307/2501300>
- Solov'ev A.I. Politicheskaya ideologiya [Political Ideology]. — *Politologiya: leksikon*. Pod red. A.I. Solov'eva [Political Science: Lexicon. Ed. by A. Solovyov]. Moscow: ROSSPEN Publ. 2007. P. 354–364. (In Russ.)
- Solzhenitsyn A.I. Kak nam obustroit' Rossiyu? [How Can We Equip Russia?]. — Solzhenitsyn A.I. *Publitsistika: v 3 tomakh* [Publicistic Writing in 3 Volumes]. Yaroslavl': Verkhne-Volzhscoe knizhnoe izdatel'stvo. Vol. 1. 1995. 720 p. (In Russ.)
- Starodubrovskaya I.V., Mau V.A. *Velikie revolyutsii: ot Kromvelya do Putina* [Great Revolutions: From Cromwell to Putin]. Moscow: Vagrius Publ. 2004. 510 p. (In Russ.)
- Suny R.G. *The Revenge of the Past: Nationalism, Revolution, and the Collapse of the Soviet Union*. Stanford: Stanford University Press. 1993. 200 p.
- Takane M. Economic Growth and the “End of Ideology” in Japan. — *Asian Survey*. 1965. Vol. 5. No. 6. P. 295–304. <https://doi.org/10.2307/2642127>
- Tarkhan-Mouravi G. Political Parties in Georgia: The Protracted Formation. — *Political Science (RU)*. 2006. No. 1. P. 243–267. (In Russ.)
- Tishkov V.A. Uslozhnyayushchee raznoobrazie: kak ego ponimat' i uporyadochit' [Increasing Diversity: How to Understand and Organize It]. — *Kul'turnaya slozhnost' sovremennykh natsii*. Otv. red. V.A. Tishkov, E.I. Filippova [Cultural Complexity of Modern Nations. Ed. by V.A. Tishkov, E.I. Filippova]. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya. 2016. P. 7–18. (In Russ.)
- Tsyburskii V. ZAO “Rossiya” [ZAO “Russia”]. — *Russkii zhurnal*. 2002. 08.09. (In Russ.) URL: <http://old.russ.ru/politics/20020508-tzim-pr.html> (accessed 07.07.2017).
- Vcherashnee zavtra: kak “natsional'nye istorii” pisalis' v SSSR i kak pishutsya teper'*. Pod red. G. Bordyugova, V. Bukharaeva [Yesterday's Tomorrow: How “National Histories” Were Written in the USSR and How They Are Written Now. Ed. by G. Bordyugov, V. Bukharaev]. Moscow: AIRO-XXI Publ. 2011. 247 p. (In Russ.)